

Н О В Ы Й
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ

1909

май

№ 7

Чеховъ, этотъ страстно ищущій людей, жадный къ жизни, съ тонкимъ проникновеніемъ красоты человѣкъ, былъ щемяще, томительно одинокъ...

Талантъ Чехова былъ признанъ и получалъ какъ-бы право почетнаго гражданства. Передъ личностью его преклонялись, обожали. И въ тоже время, думается, никто такъ не страдалъ отъ людей, какъ Чеховъ.

Итакъ всю жизнь...

Мнѣ приходитъ на память одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Баденъ-Вейлерѣ, гдѣ умеръ Чеховъ, случай, очень ярко иллюстрирующій отношеніе къ Чехову людей, даже мало его знавшихъ.

Это было въ 1907 году, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Чехова.

У входа въ Баденъ-Вейлерскій паркъ, куда любилъ ходить и Антонъ Павловичъ, стоялъ старый, хмурый на видъ, молчаливый газетчикъ. И вотъ, этого старика, мрачнаго, суроваго и неразговорчиваго, мнѣ пришлось видѣть одинъ разъ умиленнаго до слезъ, а другой разъ взволнованнаго до потери возможности говорить. Старикъ расплакался отъ умиленія, когда я въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ изъ Россіи привезъ ему въ подарокъ снимокъ съ могилы Чехова. Но мнѣ хочется рассказать о второмъ фактѣ. Однажды утромъ, я по обыкновенію подошелъ къ нему, чтобы купить газету.

— Печальные, очень печальныя новости, — блѣдный, взволнованнымъ голосомъ встрѣтилъ онъ меня.

Это былъ указъ о разгонѣ второй Думы и пресловутый новый избирательный законъ.

И, видя мое взволнованное лицо, старикъ дрожащими руками, такъ участливо, такъ нѣжно погладилъ меня по плечу и еле слышнымъ отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Вамъ ничего... вы молодой... а вотъ какъ Чеховъ бы взволновался...

И этотъ старецъ, чужой, никогда не читавшій ни одной строчки Чехова, видѣвшій его только нѣсколько разъ и такъ свято чтившій его память, произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я забылъ о только что полученномъ большомъ извѣстии и могъ только думать о томъ, какъ великъ и обятеленъ Чеховъ.

Я привелъ этотъ фактъ, для того, чтобы, сопоставивъ его со всѣмъ тѣмъ, что я ниже расскажу о послѣднихъ дняхъ Антона Павловича, можно было-бы ярче и легче убѣдиться въ томъ «трагическомъ» отношеніи къ нему людей, о которомъ я упомянулъ выше.

Мнѣ пришлось быть въ Баденъ-Вейлерѣ въ первый разъ вскорѣ послѣ похоронъ Чехова.

Случайно, по совѣту моихъ московскихъ друзей, я поселился въ Willa «Friederike», совершенно не

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ А. П. ЧЕХОВА.

Статья Г. Яшинскаго.

Надъ судьбой Чехова тяготѣетъ какой-то трагическій рокъ, строго, неотступно, преслѣдующій его всю жизнь до смерти.

Первые проблески заслуженной славы вмѣстѣ съ кровохарканьемъ; прикованность къ нелюбимой Ялтѣ и въ это время неудержимое стремленіе къ Москвѣ. Его имя гремѣло. Имъ зачитывались. Ему завидовали. И, когда со всѣхъ сторонъ къ нему лѣтъли выраженія успѣха, обожанія и преклоненія, — онъ нуждался въ средствахъ на поѣздку за границу для леченія и, безропотно, отлично сознавая, приближался къ могилѣ.

Онъ любилъ родину всей силой своего большого сердца; онъ «печалился» о ней всей силой своего огромнаго, заразительнаго таланта — и умеръ вдали отъ нея, на чужбинѣ, почти совсѣмъ одинъ...

подозрѣвая, что именно въ этомъ домѣ провелъ свои послѣдніе дни Чеховъ.

Хозяинъ виллы, узнавъ, что я изъ Россіи, проявивъ ко мнѣ особенную вѣжливость и, воспользовавшись сообщеніемъ, что у него жилъ «вашъ Чеховъ», какъ онъ называлъ покойнаго писателя, предложилъ мнѣ, очевидно въ видѣ особой привлекательности, занять его комнату. Это было, какъ я уже сказалъ, спустя всего нѣсколько дней послѣ того, какъ мы молча расходились изъ Ново-Дѣвичьяго монастыря (въ Москвѣ), оставивъ тамъ навсегда, подъ невысокой развѣсившейся липой, дорогого Чехова, когда еще острее чувство незамѣнимой потери болѣзненно жило въ каждомъ изъ насъ, и когда каждое воспоминаніе разстраивало рану...

Жить въ комнатѣ Чехова я, конечно, отказался.

Но попросилъ хозяина, показать мнѣ комнату и рассказать подробно все, что онъ зналъ о послѣднихъ дняхъ Антона Павловича.

Комната Чехова помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома. Маленькая, свѣтлая, уютная—она скорѣе напоминала уголокъ для отдыха, чѣмъ рабочую комнату. Двѣ рядомъ стоящія постели, зеркальный шкафъ, круглый столикъ, мягкія, удобныя кресла и кушетка—вотъ вся обстановка. И въ этомъ выборѣ комнаты, чувствовалось, что Чеховъ отлично сознавалъ всю опасность своего положенія и былъ настолько слабъ, что не могъ уже работать.

Съ балкона комнаты, выходящей въ прекрасный тѣнистый паркъ, открывался дивный видъ на Рейнскую долину и Вогезы. Здѣсь особенно любилъ гулять Антонъ Павловичъ. (На этомъ мѣстѣ поставленъ ему памятникъ).

Чеховъ пріѣхалъ въ Баденъ-Вейлеръ, утомленный долгими переѣздами, совершенно измученный, и скромно прописался въ книгѣ для пріѣзжающихъ: Doctor Anton Tchekov und Frau aus Moskau.

Хозяинъ виллы, типичный нѣмецкій буржуа, не обратилъ никакого вниманія на Чехова.

— Вѣдь существуетъ же много врачей, — рассказывалъ онъ мнѣ.

Антонъ Павловичъ очевидно страдалъ несвареніемъ желудка и потому женѣ его приходилось самой на кухнѣ слѣдить за приготовленіемъ кушаній, что очень беспокоило хозяина виллы.

Удивляло и поражало г. Риттера (хозяинъ виллы) то необыкновенное количество писемъ, которое

получалъ Чеховъ ежедневно съ каждой почтой. Хозяина это настолько заинтересовало, что онъ рѣшилъ узнать подробно о своемъ странномъ жильцѣ у доктора Гофрата Швѣрера, лечившаго Чехова. И когда узналъ, что это «Berühmter», какъ они его называли, русскій писатель, окружилъ его тѣмъ особо усерднымъ уходомъ и почетомъ, который граничитъ съ издѣвательствомъ.

Чеховъ почти нигде не ходилъ. Всебольше сидѣлъ на балконѣ и только иногда его вывозили въ креслѣ въ садъ и онъ любилъ лежать въ немъ, грѣясь на солнышкѣ.

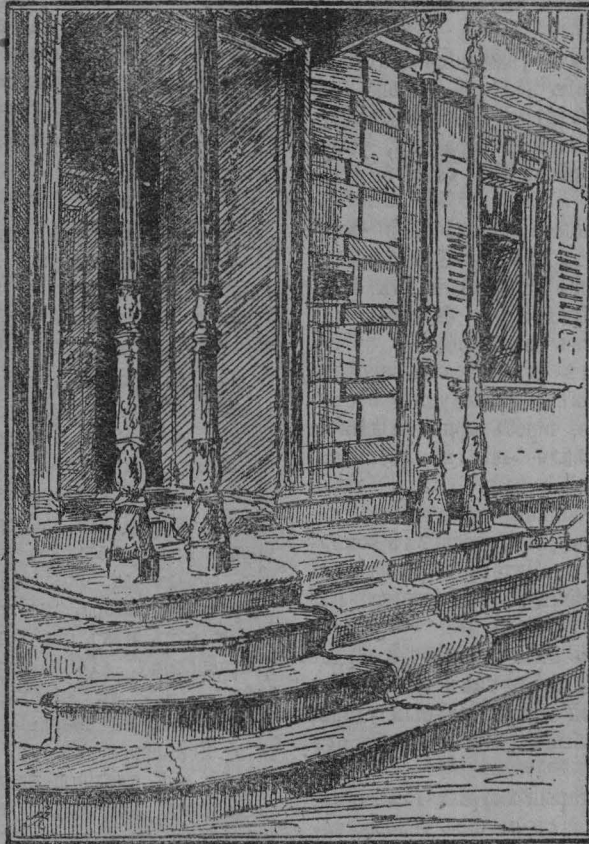
Изъ многочисленныхъ и обстоятельныхъ рассказовъ хозяина, я приведу одинъ, какъ наиболее характерный и типичный для Чехова.

Однажды Чеховъ лежалъ въ креслѣ у себя на балконѣ. Замѣтивъ проходящаго мимо Риттера, онъ остановилъ его

и спросилъ:

— «Was machen Sie am Himmel». — Нѣмецъ, будучи очевидно невысокаго мнѣнія объ образованіи даже знаменитыхъ русскихъ писателей, и, рѣшивъ, что Чеховъ смѣшалъ слово «Himmel» съ «Winter», отвѣтилъ ему: — «мы занимаемся охотой или спимъ». Чеховъ ничего ему не отвѣтилъ, а только улыбнулся своими печальными, усталыми глазами...

Популярность Чехова въ Баденъ-Вейлерѣ создавалась необычайно быстро. Газетчики, извозчики, даже дѣти, всѣ знали Чехова. Всѣ любили его. Еще те-

Villa „Friederika“ bei Badenweiler,
(nach einem A. N. Чеховъ передъ смертью).

перь, я увѣренъ, во многихъ русскихъ городахъ не такъ много портретовъ Чехова, какъ тамъ. Вдовѣ покойнаго при перевезеніи тѣла было оказано въсѣмъ населеніемъ поразительное вниманіе. Нѣмцы первые поставили ему памятникъ, отпраздновавъ очень пышно и торжественно его открытіе.

Словомъ, казалось бы все говорить за то, что баденъ-вейлерцы оказали тотъ приѣмъ Чехову, который онъ вполне заслужилъ. И тутъ ярче чѣмъ гдѣ-бы то ни было, откуда-то встаетъ этотъ трагическій рокъ судьбы Чехова и властно, безжалостно и беспощадно заставляетъ, быть можетъ, какъ никогда, страдать Чехова.

Хозяинъ виллы, съ такимъ уваженіемъ относящійся къ Чехову, узнавъ отъ доктора, что онъ безнадѣженъ и рѣшивъ, что смерть его испугаетъ другихъ жильцевъ и, убоясь, такимъ образомъ, убытковъ, предложилъ Чехову «so fort»,—какъ онъ говорилъ, очистить комнату.

И умирающаго, безсиленнаго страданіями человека, пришлось перевозить въ номеръ плохой гостиницы («Hotel Sommer»), который изъ большой любезности, послѣ дѣлаго дня безконечныхъ хлопотъ и мытарствъ, удалось достать.

И никто, никто не могъ протестовать противъ этого. И всѣ эти люди, такъ равнодушно пропустившіе палачество Риттера, черезъ три дня шли за гробомъ Чехова и жертвовали деньги на его памятникъ. И тотъ же самый хозяинъ, такъ безжалостно, такъ позорно поступившій съ Чеховымъ, черезъ недѣлю, не больше развѣсилъ, по всѣмъ комнатамъ своей виллы портреты Чехова и рекламировалъ свой отель пребываніемъ тамъ Антона Павловича.

Итакъ всю жизнь... И до боли сжимается сердце при одномъ сознаніи, что Чехову, такъ любившему людей, нанесенъ былъ такой оскорбительный ударъ, съ которымъ ему суждено было уйти навсегда отъ насъ...

И вспоминается опять старый хмурый газетчикъ, плакавшій при видѣ снимка съ могилы Чехова, который, однако, не пошелъ протестовать противъ поступка нѣмецкаго буржуйчика... Такова ужъ видно судьба Чехова... Онъ любилъ людей, почувствовалъ ихъ горе, тихо подошелъ къ нимъ, нѣжно, какъ любящая мать, обласкалъ и обнадежилъ... Его любили и... не щадили...

Чеховъ умеръ спокойно, почти безъ агоніи.

Проснувшись на разсвѣгъ и почувствовавъ приближеніе смерти, онъ разбудилъ жену и, предупредивъ ее о наступающемъ концѣ, просилъ послать за врачомъ.

Спокойно, въ полусидячемъ положеніи, съ откинутой назадъ головой, лишь на минуту теряя сознаніе, онъ что-то говорилъ о Россіи, о матросахъ,

о солдатахъ, проливавшихъ тогда кровь на далекихъ поляхъ Манчжуріи.

Когда вошелъ докторъ, Чеховъ черезъ силу поднялся, крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ: «Ich sterbe»...

Это были его послѣднія слова...

Курортъ спалъ... Природа пробуждалась отъ сна, изъ-за лѣса медленно и плавно поднималось молодое солнце, привѣтствуя наступающій день. Воробушки, весело чиркая, перелетали съ вѣтки на вѣтку, еще покрытую ночной росой. Кругомъ радостно, свѣтло, тихо, ни звука... Только въ комнатѣ, куда черезъ окно привѣтливо глядитъ развѣсистая липа, спокойно, съ улыбкой на лицѣ, точно въ пріятномъ послѣ трудового дня снѣ лежитъ еще теплый Чеховъ...

Докторъ Швѣреръ, лечившій Чехова, удивлялся зачѣмъ врачи и друзья послали Чехова въ Баденъ-Вейлеръ.—«Es war ein Unsinn»,—возмущенно добавлялъ онъ и говорилъ, что Чеховъ пріѣхалъ сюда живымъ мертвецомъ.

Но докторъ изъ Баденъ-Вейлера наивенъ въ своемъ незнаніи Россіи. Онъ не знаетъ, что могила Гоголя заброшена и почти никому неизвѣстна. Онъ не знаетъ, что всероссійская подписка на увѣковѣченье памяти Тургенева дала менѣе тысячи рублей. Онъ не знаетъ, что на закладку памятника Гоголю московское начальство пригласило всю администрацію города до околочнаго влчлчительно и ни одного литератора, поэта, ученаго. Онъ не знаетъ, что у насъ нѣтъ ни одного памятника Тургеневу, Достоевскому, Гончарову, Григоровичу и почти всѣмъ. Онъ не знаетъ, что имя Толстого нужно произносить съ опаской. Онъ не знаетъ, что маститаго Вейнберга недавно похоронили недалеко отъ забора, гдѣ кладбищенская тишина нарушается громыханіемъ ломовыхъ телѣгъ и побрякиваніемъ звонковъ, проѣзжающихъ мимо вагоновъ конки. Онъ не знаетъ Россіи...

И каждый разъ, когда я задумываюсь о судьбѣ русскаго писателя, и особенно о судьбѣ Чехова, мнѣ приходитъ на память это мѣткое слово нѣмецкаго гофрата «Unsinn»...

И наполняетъ оно душу мою чувствомъ большой тоски, смѣшанной со стыдомъ, и звучитъ оно въ ушахъ и мозгу моемъ печальнымъ, заунывнымъ погребальнымъ звономъ...

Г. Яшинскій.